

развала Византийской империи, завершившегося взятием Константинополя крестоносцами в 1204 г. Нет сомнений в том, что католические миссионеры знали, как можно играть на противоречиях между греческими иерархами русской церкви и коренными русскими феодалами.

Обратимся к обстоятельствам, при которых была осуществлена постройка Спаса-Нередицы. Счастье не сопутствовало князю Ярославу Владимировичу. Сын безземельного князя Владимира Мстиславича, он был женат на сестре жены Всеволода Большое Гнездо и имел от нее дочь и грех сыновей. С новгородцами у него были постоянные неприятности, вследствие которых он дважды оставлял княжение. В третий и последний раз Ярослав прибыл в Новгород в середине января 1198 г.³² Весной умерли его сыновья Изяслав и Ростислав, похороненные в Юрьевом монастыре.³³ «В то же лето заложи церковь камяну князь . . . в имя святого Спаса преображения Новеороде на горе, а прозвище Нередице; и начаша делати месяца июня в 8, на святого Федора, а кончаша месяца сентября».³⁴ Княгиня по совету архиепископа основала женский монастырь Рождства Богородицы на Михалице.³⁵ На Руси в условиях северного климата не принято было наносить фрески сразу после возведения здания,³⁶ и роспись Спаса-Нередицы была осуществлена в 1199 г.,³⁷ — по всей вероятности, не позже дня освящения храма в престольный праздник Спаса преображения 6 августа. Именно в эти дни, в начале августа 1199 г., Всеволод Большое Гнездо отозвал Ярослава из Новгорода;³⁸ в 1201 г. разжалованный князь похоронил жену. Расположенная возле последней резиденции Ярослава маленькая домовая церковь Спаса-Нередицы была последней каменной постройкой новгородских князей.³⁹ Мрачные фрески Спаса-Нередицы производили особенное, неповторимое впечатление. «Рядом с этими святыми, в чьих черных как уголь глазах было что-то острое и пронизывающее, человек чувствовал себя маленьким и ничтожным. Эмоциональная сила воздействия этого замечательного искусства была настолько велика, что оно захватывало даже современного, враждебного религии зрителя, позволяя ему понять, что чувствовали новгородцы XII века, когда они робко вступали в построенную их князем церковь».⁴⁰

Образ Алексея Человека Божия вполне соответствует тонко подмеченной В. Н. Лазаревым тональности нередицкого искусства. Из неизбежной агиологической номенклатуры христианской церкви трудно было бы подобрать что-либо более интимное и человеческое для сюжета росписи особо важной части домовой церкви, последнего утешения осиротевшего Ярослава. Здесь были нужны не бесплотные ангелы, какие обычно окружали в апсидах Христа или богоматерь,⁴¹ не обезглавленные мученики, не

³² См.: И. Романцев. Каталог князей Великого Новгорода. Новгород, 1912, стр. 20.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 44. Парный детский саркофаг сыновей Ярослава обнаружен под позднейшим полом Георгиевского собора у южной стены при раскопках 1931—1935 гг. (см.: М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. — Советская археология, т. 8, М.—Л., 1946, стр. 175—222).

³⁴ Новгородская первая летопись, стр. 44.

³⁵ См.: Архим. Макарий. Археологическое описание церквей древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, стр. 332—333.

³⁶ См.: В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладogi, стр. 76—77.

³⁷ См.: Новгородская первая летопись, стр. 44.

³⁸ См.: И. Романцев. Каталог князей, стр. 20.

³⁹ См.: М. К. Каргер. Новгород Великий. Л.—М., 1966, стр. 248.

⁴⁰ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода, стр. 97.

⁴¹ См.: Ch. Ihm. Die Programme der christlichen Apsismalerei. Wiesbaden, 1960.